

О.Ю. Стародубова

**ЛИНГВОПРАГМАТИКА КОНФЛИКТОГЕННОГО ДИСКУРСА
КАК МЕХАНИЗМ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ КАРТИНЫ МИРА
РЕЦИПИЕНТА**

Ключевым атрибутом современной действительности становится медиационизм, при этом медиадискурс является не столько посредником между событием, фактом и реципиентом, сколько единственным источником получения фактуальной информации, на фоне перцепции которой постепенно формируется устойчивая модель понимания аналогичного информационного сегмента. Таким образом, медиадискурс, являясь генерализованным субъектом, используя при реализации манипулятивной стратегии и моделировании конфликтного дискурса ресурсы языка, а также средства метаграфемы, подвергая их сознательной селекции, преимущественно за счет интродукции, а также индикации социального статуса субъектов – участников коммуникативного события (интеракции), транслирует идеологию властного дискурса (или определенной социально-политической группы), конструирует новую миромодель, когнитивную парадигму, корректирует систему базовых, универсальных и этнокультурных ценностей, вытесняет, замещает объективную реальность.

Ключевые слова: медийный дискурс, картина мира, субъектная номинация, интродукция субъекта, индикация социального статуса, когнитивная парадигма, метаграфема.

O.Yu. Starodubova

**LINGUOPRAGMATICS OF CONFLICTOGENIC DISCOURSE
AS A MECHANISM OF REFORMATING THE WORLD PICTURE
OF THE RECIPIENT**

Mediacentrism is becoming a key attribute of modern reality, while media discourse is not so much a mediator between an event, fact and a recipient, but rather the only source of obtaining factual information, against the background of perception of which a stable model of understanding a similar information segment is gradually formed. Thus, media discourse, being a generalized subject, using the resources of the language, as well as the means of metagraphics in the implementation of the manipulative strategy and modeling the conflict-generating discourse, subjecting them to conscious selection, mainly due to the introduction, as well as the indication of the social status of the subjects participating in the communicative event (interaction), broadcasts the ideology of the discourse of power (or a certain socio-political group), constructs a new world model, a cognitive paradigm, corrects the system of basic, universal and ethnocultural values, displaces, replaces objective reality.

Keywords: media discourse, world picture, subjective nomination, introduction of the subject, indication of social status, cognitive paradigm, metagraphics.

Современная действительность – условия глобализации, мощный информационный поток, пандемия, межнациональные

и другие конфликты – кардинально преобразует парадигму общества и диктует иной темп жизни, характер ее восприятия.

Стародубова Ольга Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного института международных образовательных программ. Московский государственный лингвистический университет, Москва. Сфера научных интересов: герменевтика текста, художественный текст и дискурс в аспекте лингвокогнитивного моделирования; интерпретация медийного дискурса; интертекстуальность, прецедентность в практике преподавания РКИ. Автор более 60 опубликованных научных работ.

Электронная почта: oystarodubova@mail.ru

В связи с этим меняется и формат публицистики – медийный дискурс становится не столько источником информации, сообщаемым об объективно происходящих событиях, сколько *продуцентом новой нормы*, реальности, формирующейся в процессе лингвокогнитивного моделирования, а также механизмом переформатирования картины мира, сознания реципиента, системы базовых, универсальных ценностей, средством коррекции этнокультурного кода [12; 15]. Кроме того, масс-медиа часто эксплицируют конфликтную стратегию и способствуют усилению социальной, политической напряженности [1; 6]. Именно поэтому медийный дискурс становится объектом пристального внимания междисциплинарных исследований, рассматривается на стыке когнитивистики, лингвопрагматики, этнопсихолингвистики, риторики, социологии, психологии и так далее. [6]. Особенно актуален в рамках антропоцентризма аспект конструирования медийным дискурсом новой миромодели с позиции лингвопрагматики, предполагающий исследование тактик и языковых механизмов продуцирования *конфликтного, манипулятивного дискурса*, а также новой когнитивной парадигмы [8; 10; 12; 13].

В условиях медиациентризма необходимо помнить о нравственных константах,

которые составляют основу общества и не должны подвергаться деформации, в противном случае произойдут, во-первых, стирание национальных границ, размытие соответствующих идентичностей, утрата этнокультурного кода, а во-вторых, минимизация или полная утрата моральных норм и статуса человека, что составляет угрозу национальной безопасности и служит предпосылкой гуманистического кризиса [3; 5; 8; 11]. Усилению негативного сегмента медиадискурса способствуют *креолизация* текста (поликодовость), при которой может использоваться *визуализация* события (например, в виде фото, видеозаписи действий субъектов-участников, последствий события и др.), различные цветовые и шрифтовые выделения, а также расположение фрагментов текстовой информации (это ресурсы *метаграфемки*); *лингвоцинизмы* как примета стиля многих современных масс-медиа [2; 4; 14; 18].

Кроме того, *механизмом экспликации* манипулятивной стратегии конфликтного дискурса становится *категория субъекта* как одна из ключевых позиций текстообразования. Субъект – участник событий (*затекстовый*) и субъект – участник инварианта сконструированной генерализованным автором (журналистом) как проводником идеологии власти или определенной социальной, политической

Лингвопрагматика конфликтного дискурса как механизм перестроения картины мира реципиента

группы) *текстовой* модели произошедшего отнюдь не тождественны.

В процессе порождения вторичной действительности в пределах текста масс-медиа основным механизмом создания новой реальности и реализации манипулятивной стратегии становится *интродукция субъекта* как способ введения в текст, актуализирующий нужные *концептуальные* смыслы (через указание разных типов идентичностей), расставляющие приоритеты восприятия событий, участвующие в формировании оппозиции «*свое – чужое*». На этом этапе используется целый ряд *тактик*: *актуализация* выгодных генерализованному субъекту идентичностей участников событий, *аналогизация* (постановка конкретного факта в контекст подобных с целью перенести характер восприятия и оценку, интерпретацию прежнего события на новое), *умалчивание* невыгодных идентичностей или пресуппозиции произошедшего, *фрагментация*, то есть освещение определенных сегментов событийного поля, иллюстрирующих нужную оценку, интерпретацию фактов, *вытеснение* реальности и формирование новой событийности, а также модели восприятия аналогичной информации и так далее. [16; 17].

Понимание механизмов порождения текстовой модели вторичной действительности в масс-медиа (тактик, стратегий, языковых ресурсов и др.) позволит реципиенту максимально объективно оценивать преподносимую информацию, аналитически, критически воспринимать манипулятивные тактики и выявлять ключевой замысел автора – журналиста, выступающего в роли генерализованного субъекта, транслятора идей определенной части общества).

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие ресурсы метаграфематики как средство моделирования оценочного, интерпрета-

тивного восприятия события, а также ключевую роль в конструировании вторичной действительности категории субъекта, пронизывающего текст на всех этапах его существования – от момента оформления замысла через экспликацию при помощи различных языковых и неязыковых ресурсов до его потребления реципиентом.

Для исследования иллюстративного материала были использованы следующие методы: метод сплошной выборки (при выявлении интродукции и индикации статуса субъекта, а также ресурсов метаграфематики), лингвокогнитивное моделирование, описательный метод, метод контекстуального исследования, когнитивно-дискурсивный и др.

В качестве иллюстративного материала используем публикацию в цифровом формате от 9 декабря 2020 года «Станет ли убийца французского учителя народным героем Чечни?», подзаголовок аналитических материалов: «Анзоров отрезал голову незнакомому человеку. На его похороны собрались толпы» [19].

Информационный повод – убийство французского учителя Самюэля Пати – вызвал широкий общественный резонанс. Реакция общественности стала контрастной и конфликтной, а средства массовой информации усилили поляризацию религиозных и национальных общественных групп и способствовали трансляции конфликта, дестабилизации мировой общественности, социальной напряженности. Продюценты исследуемых материалов пытаются быть максимально объективными, критически воспринимая действия всех участников и самих событий и пресуппозиции, но часть информации (пресуппозиции в том числе) остается за пределами текста (тактики вытеснения, фрагментации), а эпатажность стиля (ирония, лингвоцинизмы), категоричность оценок,

резкая *негативация* как компонент целого ряда субъектных номинаций конструируют конфликтогенный дискурс уже в самом заголовке.

Исследуемый текст является *креолизованным*: заголовок «*Станет ли убийца французского учителя народным героем Чечни?*» оформлен белыми крупными буквами на черном фоне, подзаголовок («*Анзоров отрезал голову незнакомому человеку. На его похороны собрались толпы*») – шрифтом меньшего размера также на черном фоне, что представляет собой прецедентную ситуацию, созданную при помощи средств топо- и супраграфемике, то есть начало статьи уже задает ракурс восприятия – траурный, трагический, жестко конфликтный, моделирует отношение автора к событиям и их участникам [16; 17]. Заголовок также содержит *конфликтные субъектные номинации*, точнее, *интродукции* субъектов, то есть первичное упоминание или способ введения в текст, и сопровождается *индикацией* статуса – это особенно важно, поскольку именно момент встречи читателя с участниками событий формирует оценку и общую картину событийности. Первым упоминается *убийца* (в качестве ведущего субъекта, подлежащего в форме именительного падежа), то есть тот субъект, который становится виновником трагедии и возмущения общества. В этой номинации актуализируется не личный, религиозный, национальный, а юридический статус, который также акцентирует внимание читателя на системе нравственных базовых универсальных ценностей, моделирует угрозу их возможной утраты на фоне аналогичных событий. На второй позиции в заголовке в форме косвенного падежа видим *интродукцию* еще одного участника затекстовых событий и текстовой интеракции – *французского учителя*, в этой номинации, которая содержит *ин-*

дикацию статуса (скорее объекта действия, жертвы), актуализируются национальная и профессиональная идентичности, на фоне которых имплицитно заложена концептуальная информация, усиливающая в синтагматике конфликтогенность текста: европейские нации традиционно воспринимаются как носители гуманистических, цивилизационных ценностей, а гуманизм и исключительно мирный характер профессионального статуса учителя ни у кого не вызывают сомнений. Так имплицитно заголовок моделирует конфликт цивилизованной Европы и дикой, не имеющей представления о нравственных нормах другой части населения мира (вариант оппозиции «*свое – чужое*»).

В виде еще одного дополнения указан контрастный статус ключевого участника событий – на глазах читателя происходит метаморфоза: убийца становится *народным героем*, правда, со знаком вопроса, но модель восприятия сложилась, и указанная номинация в контексте становится лингвоцинизмом, конструирующим конфликтогенный дискурс, ведь *народный герой* как прецедентный феномен в сознании читателя ассоциируется с ценностями всей нации [16; 17].

Подзаголовок (*лид*) содержит иной характер номинаций и коннотации: названа фамилия убийцы – *Анзоров* – личный статус, сопряженный с конкретной ответственностью, а *французский учитель* именуется *незнакомым человеком*, которому Анзоров «отрезал голову». В контексте возникает лингвоцинизм, очевидный сарказм на фоне сочетания буднично-бытовой лексики (*отрезал голову*) и высокого статуса человека. Субъект – подлежащее (*Анзоров*), таким образом, не предполагает в своей компонентной структуре дифференциального признака «*человек*» – так моделируется еще один вариант «*своего*

Лингвопрагматика конфликтогенного дискурса как механизм переструктурирования картины мира реципиента

и чужого» – «человечный и бесчеловечный», дикий, жестокий варвар, который может отнять жизнь любого незнакомого человека. Все это подчеркивает особый цинизм преступления и создает иллюзию крайней степени беспричинной жестокости (*тактика умалчивания*, которая реализуется в заголовке, деформирует первичное восприятие события реципиентом), провоцирует конфликт, политическую, общественную напряженность. И вновь субъект-убийца в виде подлежащего, а его жертва – в виде косвенного дополнения.

В подзаголовке эксплицитно выражены и *собираемый субъект*, причем во множественном числе – *толпы* (которые собрались на похороны *убийцы* или *народного героя*) – с очевидно негативной коннотацией. Таким образом, в заголовке эксплицитно и имплицитно заложены, смоделированы сразу несколько конфликтов на фоне одного конкретного события, поставленного в контекст сопутствующих (национальных, религиозных, государственных и др.) и аналогичных (произошедших ранее – прецедентных ситуаций, событий – *Третий рейх, концлагеря* и др.) [15].

Необходимо отметить, что в пределах сконструированной вторичной тексто-медийной действительности возникает несколько вариантов оппозиции «свое – чужое», например, среди представителей разных национальных идентичностей – *чеченцы, французы, русские, европейцы* и др., при этом нейтральные в изолированной позиции номинации на фоне синтагматики и ресурсов синграфематики – знаки препинания, например, использования кавычек, придающих ироническую, а местами саркастическую коннотацию. Становятся оценочными закавыченные лексемы «мститель», «народный герой», «национальный герой» и другие, они порождают очевидную иронию, а значит, модели-

руют критическое восприятие, конфликт: «Судя по всему, “мститель” не знал ничего ни о своем пророке, ни о собственной религии».

Также вариантом *своего* и *чужого* становится противостояние *власти* и *народа* как собирательных субъектов (*силовики, провластные чеченские аккаунты, народ, молодые люди, много народу, жители Чечни, Дмитрий Песков, Рамзан Кадыров*, в том числе как *российский ставленник, ответственный за репрессии в отношении жителей республики, власти в Чечне возвели Абдуллу Анзорова в ранг «национального героя», смертоносная идеология, московская полиция и так далее*), религиозных идентичностей, при этом подчеркивается также ментальная разность христианского и мусульманского мира, в том числе как противостояние Запада и Востока («*зло западного мира, религией которого является слово свободное, а не божье*). Кроме того, автор дифференцирует истинных и неистинных представителей мусульманства, противопоставлены *ислам* и *светское общество*, и эта оппозиция экстраполируется в плоскость «*терроризм – остальной (преимущественно западный) мир*».

При этом используются, кроме языковых, ресурсы метаграфематики, в частности, средства синграфематики, супраграфематики (шрифт, размер букв) и топографематики (отдельное от остального текста расположение акцентных фрагментов текста). Например, следующий фрагмент текста дается отдельным абзацем и 18-м шрифтом (в то время как основная часть текста – 13,5): «...главную книгу мусульман – Коран – Анзоров совершенно точно не читал. Он действовал как зомби, которому промыли мозги». На фоне указанных небуквенных средств важно учитывать контекст номинаций: в приведенной цитате мы видим сравнение «*как зомби*», которое на фоне

грубо-просторечной лексики – «*промыли мозги*» – также получает очевидное конфликтное звучание, причем субъектная номинация «*зомби*», так же как и в лиде, исключает компонент «*человек*» из набора семной структуры. Возникает еще вариант «*своего – чужого*» – человек, обладающий сознанием, волей, и зооморфное существо, лишённое сознания, что также минимизирует статус центральной фигуры событий и способствует усилению конфликтности.

При моделировании противостояния власти и народа, а также национального конфликта (вариант оппозиции «*свое – чужое*») автор применяет тактику аналогизации, упоминая дело полковника Буданова и его убийцу – «... еще одного “национального героя” – убийцу полковника Буданова Юсупа Темирханова»: «... в глазах чеченского народа Буданов – воплощение российского имперского “зла”» (атрибутивно-описательная номинация субъекта), а его убийца – соответственно, «национальный герой». Анзоров, по словам автора, «мстил за оскорбленные чувства всех правоверных, *оптом*» (курсив наш. – О.С.). Приведенный фрагмент, в том числе за счет ресурсов синграфемки (*кавычки*), концептуальной метафоры (мести *оптом*) и собственно номинации (прецедентного характера) вновь содержит лингвоцинизм и усиление конфликтности.

Отметим еще ряд прямых и атрибутивных номинаций, формирующих объемное восприятие ключевого субъекта событий с одновременным отождествлением многих его идентичностей с *негативацией* (тактика), которая переносится на большинство носителей указанных идентичностей (тактики перенесения и обобщения): *убийца*, «*народный герой*», «*мститель*», *труп 18-летнего этнического чеченца Абдуллы Анзорова*, *труп террориста*, *молодой парень*, *молодой террорист*, *принадлежит к одному*

из самых многочисленных чеченских тейпов Чинхой, *18-летний головорез*, *Абдулла Анзоров*, *активно шил разговоры о переименовании в его честь одной из улиц*, *чеченская молодая кровь*, «*россиянин чеченского происхождения*», *преступник*, *убийца школьного учителя* и так далее. Все они актуализируют разные идентичности (возраст, гендер и так далее), концептуальные смыслы, но, кроме того, содержат и почти полярные интерпретации как *возможную попытку оправдать* действия преступника, что способствует моделированию еще большей агрессии в отношении не только убийцы, но и всех социальных, религиозных и др. групп, в отношении к которым упоминались его идентичности, особенно очевидна эта *интенция* автора на фоне прецедентного события – дела полковника Буданова.

Таким образом, значимыми становятся и позиция субъекта в пространстве текста – в заголовке, начале статьи, абзаца и так далее, характер и способы акцентации (актуализации) различных идентичностей – национальной, религиозной, гендерной, политической и других, а также *синтагматика*.

Одним из значимых результатов исследования становится выявление *тактик* моделирования *конфликтного дискурса* в пределах текстово-дискурсивной информации интердискурса масс-медиа, ключевой роли оценочных *номинаций субъекта* (интродукции и индикации социального статуса) как носителя концептуальной информации, роли ресурсов метаграфемки, а также так называемых *ножниц смысла*, которые возникают в результате информативной разницы: *эксплицитное* событийное поле, отраженное в текстовом формате, реально произошедшее событие, *действительность* и *имплицитное* концептуальное, оценочно-интерпретативное содержание вторичной действительности, в том числе

Лингвопрагматика конфликтного дискурса как механизм
переформатирования картины мира реципиента

категории субъекта, не совпадают, они не тождественны, что приводит к формированию конфликтности текста. В результате чего в сознании реципиента возникает, а при *тиражировании* указанной модели продуцирования текста медиадискурса (то есть частотной реализации) постепенно формируется, закрепляется формат восприятия аналогичного новостного сегмента с необходимой генерализованному субъекту оценкой происходящего, которая часто содержит не только очевидный, но и латентный конфликт, усиливает социальную напряженность, способствует дестабилизации обстановки, что особенно опасно в условиях международных, межнациональных и других конфликтов на фоне глобализации [1; 15].

Именно поэтому исследование лингвистических, прагматических механизмов, то есть языковых и неязыковых ресурсов моделирования событийности в медийном

дискурсе представляется наиболее актуальным на сегодняшний день, в особенности это касается категории субъекта и как автора текста, и как участника интеракции [6; 17].

Необходимо также отметить, что картина мира, транслируемая медийным дискурсом, способствует формированию новой когнитивной парадигмы, картины мира отдельного человека [15; 16], оказывает влияние на «индивидуальное когнитивное пространство <...>, совокупность знаний и представлений, которой обладает любая языковая личность» [9, с. 61].

Интродукции и индикации социального статуса субъекта становятся вербализованным компонентом авторского мировоззрения, основным механизмом формирования сознания [15]. Ведь с точки зрения когнитивной лингвистики языковая личность не описывает мир, а конструирует его в своем сознании [5; 7].

Литература

1. Анцупов А.Я., Штилов А.И. Словарь конфликтолога. СПб., 2006.
2. Бессарабова Н.Д. Лингвоэтика, или Еще раз об этическом аспекте культуры речи современных СМИ и рекламы // Журналистика и культура русской речи. М., 2011. № 1 (57). С. 54–63.
3. Богомолова Н.Н. Социальная психология массовой коммуникации: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2008. 79 с.
4. Бузова О.В. Лингвоцинизмы как отражение негативных процессов в обществе // Конференция «Ломоносов 2011». URL: http://conf.msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1281/18476_36b3.pdf
5. Володина Л.В. Конструирование реальности средствами массовой коммуникации // Российская массовая культура конца XX века: мат-лы круглого стола. 4 декабря 2001 г. Санкт-Петербург. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. URL: http://antropology.ru/ru/texts/volodina/masscult_03.html
6. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). 2-е изд., стер. М., 2005. 286 с.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 2007. 264 с.
8. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
9. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
10. Красных В.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 9. № 3. М., 1997. С. 62–75.

11. Мальковская И.А. Знак коммуникации: Дискурсивные матрицы. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 240 с.
12. Миронов В.В. Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации // Медиаскоп. 2009. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/>
13. Павлова Е.Д. Средства массовой информации – инструмент скрытого воздействия на сознание: социально-философский анализ. М.: Наука, 2007. 206 с.
14. Сковородников А.П. К определению термина «лингвоцинизмы» // Мир русского слова. № 3. 2014. С. 49–54.
15. Стародубова О.Ю. Катафорическая когезия в рекламном дискурсе как механизм лингвокогнитивного моделирования вторичной действительности (на материале креолизованных текстов) // Вестник Российского нового университета. Сер. «Человек в современном мире». № 4. 2020. С. 135–143.
16. Стародубова О.Ю. Прецедентный текст в публицистическом дискурсе как механизм реализации аутентичной авторской модальности // Знак. Проблемное поле медиаобразования. № 2 (32). Челябинск, 2019. С. 73–83.
17. Стародубова О.Ю. Аспекты интерпретации текста: учеб. пособие. М., 2021.
18. Сурикова Т.И. Лингвистическая этика в контексте коммуникации, философии и филологии // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей / Отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. СПб., 2012. С. 136–144.
19. Станет ли убийца французского учителя народным героем Чечни? URL: <https://povayagazeta.ru/articles/2020/12/07/88260-stanet-li-ubiytsa-frantsuzskogo-uchitelya-narodnym-geroem-chechni>.

References

1. Antsupov A.Ya., Shipilov A.I. (2006) *Slovar' konfliktologa* [Dictionary of the conflictologist]. St. Petersburg. (In Russian).
2. Bessarabova N.D. (2011) Lingvoetika, ili Yeshche raz ob eticheskom aspekte kul'tury rechi sovremennykh SMI i reklamy [Linguistics, or Once again about the ethical aspect of the culture of speech of modern media and advertising]. *Journalism and culture of Russian speech Moscow*. № 1 (57). Pp. 54–63. (In Russian).
3. Bogomolova N.N. (2008) *Sotsial'naya psikhologiya massovoy kommunikatsii* [Social psychology of mass communication]. Moscow: Aspekt Press. 79 p. (In Russian).
4. Buzova O.V. Lingvoetsinizmy kak otrazheniye negativnykh protsessov v obshchestve [Linguocinisms as a reflection of negative processes in society]. *Lomonosov 2011*. (In Russian). URL: http://conf.msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1281/18476_36b3.pdf.
5. Volodina L.V. Konstruirovaniye real'nosti sredstvami massovoy kommunikatsii [Constructing reality by means of mass communication]. *Russian mass culture of the late twentieth century* (Saint Petersburg, December 4, 2001). St. Petersburg Philosophical Society. (In Russian). URL: http://antropology.ru/ru/texts/volodina/masscult_03.html
6. Dobrosklonskaya T.G. (2005) *Voprosy izucheniya mediatekstov (opyt issledovaniya sovremennoy angliyskoy mediarechi)* [Questions of studying media texts (experience in the study of modern English media language)]. Moscow. 286 p. (In Russian).
7. Karaulov Yu.N. (2007) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: The science. 264 p. (In Russian).
8. Kara-Murza S.G. (2005) *Manipulyatsiya soznaniyem* [Manipulation of consciousness]. Moscow: Eksmo. 832 p. (In Russian).

Лингвопрагматика конфликтогенного дискурса как механизм
переформатирования картины мира реципиента

9. Krasnykh V.V. (2003) «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? ["One's own" among "strangers": myth or reality?]. Moscow: Gnozis. 375 p. (In Russian).
10. Krasnykh V.V. (1997) Kognitivnaya baza i pretsedentnyye fenomeny v sisteme drugikh yedinit i v kommunikatsii [Cognitive base and precedent phenomena in the system of other units and in communication]. *Bulletin of Moscow State University*. Vol. 9. No 3. Moscow. Pp. 62–75. (In Russian).
11. Mal'kovskaya I.A. (2008) Znak kommunikatsii: Diskursivnyye matritsy [The sign of communication: Discursive matrices]. Moscow: LKI Publishing House. 240 p. (In Russian).
12. Mironov V.V. (2009) Transformatsiya kul'tury v prostranstve global'noy kommunikatsii [Transformation of culture in the space of global communication]. *Mediascope*. Vol. 2. (In Russian). URL: <http://www.mediascope.ru/>
13. Pavlova Ye.D. (2007) Sredstva massovoy informatsii – instrument skrytogo vozdeystviya na soznaniye: sotsial'no-filosofskiy analiz [Mass media – a tool of hidden influence on consciousness: socio-philosophical analysis]. Moscow: The Science. 206 p. (In Russian).
14. Skovorodnikov A.P. (2014) K opredeleniyu termina «lingvotsinizmy» [To the definition of the term “linguocinisms”]. *The World of the Russian Word*. No 3. Pp. 49–54. (In Russian).
15. Starodubova O.Yu. (2020) Kataforicheskaya kogeziya v reklamnom diskurse kak mekhanizm lingvokognitivnogo modelirovaniya vtorichnoy deystvitel'nosti (na materialekreolizovannykh tekstov) [Cataphoric cohesion in advertising discourse as a mechanism of linguocognitive modeling of secondary reality (based on the material of creolized texts)]. *Bulletin of the Russian New University*. Man in the modern world. No 4. Pp. 135–143. (In Russian).
16. Starodubova O.Yu. (2019) Pretsedentnyy tekst v publitsisticheskom diskurse kak mekhanizm realizatsii autentichnoy avtorskoy modal'nosti [Precedent text in Journalistic Discourse as a mechanism for implementing authentic author's modality]. *Sign. The problematic field of media education*. No 2 (32). Chelyabinsk. Pp. 73–83. (In Russian).
17. Starodubova O.Yu. (2021) *Aspekty interpretatsii teksta* [Aspects of text interpretation]. Moscow. (In Russian).
18. Surikova T.I. (2012) Lingvisticheskaya etika v kontekste kommunikatsii, filosofii i filologii [Linguistic ethics in the context of communication, philosophy and Philology]. *Media text as a polyintentional system*. St. Petersburg. Pp. 136–144. (In Russian).
19. Stanet li ubijcza francuzskogo uchitelya narodny`m geroem Chechni? URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/12/07/88260-stanet-li-ubiytsa-frantsuzskogo-uchitelya-narodnym-geroem-chechni>.